

- Miklosich: *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Moguš 1966: *Moguš M.* Toponimika u prvim zemljišnim knjigama bivšeg Senjskog kotara // HDZb. Knjiga II. Zagreb.
- RJA: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Sv. I–XXXIII. Zagreb, 1880–1976.
- SEK: Słownik etymologiczny Kaszubszczyzny. T. I–V. Warszawa, 1994–2006.
- Skok: *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Sławski: *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–IV. Kraków, 1952–1983.
- Vasmer: *Vasmer M.* Russisches geographisches Namenbuch. Begründet von M. Vasmer / Herausgegeben von. H. Bräuer. V. I–IX. Wiesbaden, 1963–1980.

Ф. Р. Минлос (Москва)

## КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИЛИ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ: ПАРАМЕТРЫ ВАРЬИРОВАНИЯ

Задачей нашей работы является изучение синтаксических параметров, релевантных для выбора линейного положения атрибута относительно существительного: препозиции (*у великого князя*) и постпозиции (*князь великий*) в языке средневековых восточнославянских памятников<sup>1</sup>. Для определения методов исследования принципиально важно, что позиция атрибута в значительной степени определяется самими словосочетаниями или их классами. Качественные прилагательные в большинстве случаев находятся в препозиции (например, по данным в [Санников 1968: 66], для древнерусских текстов это 71,2% случаев)<sup>2</sup>. Многие относительные прилагательные тоже устойчиво фиксируются в препозиции — например, прилагательное в сочетании *крестное цѣлование* (см. [Борковский 1949: 274; Widnäs 1952: 44, 50, 59; Минлос 2008: 207])<sup>3</sup>. Постпозиция характерна для притяжательных атрибутов [Вернекер 1900: 146; Обнорский 1946: 166; Санников 1968: 66, 67; Евстифеева 2008: 173], атрибутов с суффиксом *\*-ьск-* (см. [Борковский 1949: 261–270; Лаптева 1959: 98–99; Минлос 2008: 207–208]). Учитывая

- 1 Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта»).
- 2 Известные подсчеты дают сходные значения: по данным С. П. Обнорского, в «Слове о полку Игореве» в препозиции употреблено 78,1% непритяжательных прилагательных в неизменной форме [Обнорский 1946: 170]; по данным В. И. Борковского, в древнерусских грамотах в препозиции употреблено 74,2% прилагательных в неизменной форме [Борковский 1949: 228].
- 3 Отметим, что это производная от выражения *крест цѣловать*, которое обычно выступает именно в таком порядке (т. е. с той же последовательностью частей). Впрочем, существеннее может быть то, что это сочетание часто выступает в предложной конструкции (прежде всего, на *крестном цѣловании* и по *крестному цѣлованию*).

это, при изучении синтаксических факторов, влияющих на позицию атрибута, представляется целесообразным, по возможности, использовать не весь корпус разнородных словосочетаний, а группы сходных словосочетаний, лучше всего — конкретные словосочетания, для которых есть заметное количество фиксаций как в постпозиции, так и в препозиции. Для многих средневековых светских текстов (княжеских грамот и летописей) в качестве такого словосочетания можно использовать, в частности, *князь великий / великий князь*. Настоящая работа ограничена анализом примеров с этим словосочетанием.

Хорошо известна гипотеза о том, что постпозиция атрибута связана с его логическим выделением (согласно [Коробчинская 1955: 79], в какой-то степени и выделения субстантива). Как кажется, это мнение в значительной степени основывается на количественном соотношении порядков: более редкий, необычный даже для древних текстов (и совсем необычный для современного языка) порядок воспринимается исследователями как «стилистически» нагруженный [Борковский 1949; Борковский, Кузнецов 1965: 412], «эмоционально насыщенный» [Обнорский 1946: 166–172]. Однако в оценке коммуникативного выделения элементов старого текста достаточно велик элемент произвола. Более формальные доводы были представлены О. А. Лаптевой, которая продемонстрировала, в частности, что в контекстах противопоставления прилагательные стоят в препозиции ([Лаптева 1959: 104–108], ср. также указание на сходные примеры в [Ворт 1982/2006: 273]), однако это наблюдение трудно доказательно распространить на все случаи препозиции (которых, как сказано выше, по крайней мере для качественных прилагательных большинство). Дальнейший прогресс в исследовании линейной позиции атрибута был связан с изучением формальных корреляций (с падежом и с наличием предлога). Тем не менее, как будет показано в настоящей работе, сейчас появляются новые основания связывать положение атрибута с коммуникативной структурой высказывания.

Ученые отмечали тот факт, что для именительного падежа постпозиция атрибутов характерна в большей степени, чем для других падежей. Это явление на примере словосочетания *князь великий* в великорусских государственных документах XIV–XV вв. обнаружила финская исследовательница Мария Виднес в работе, напечатанной в 1953 году. Особенно выразителен объемный материал XV в.: в именительном падеже на 133 примера *князь великий* приходится всего 6 примеров *великий князь*; в других падежах, наоборот, в 3–4 раза больше примеров с препозицией (273 примера с препозицией и 78 примеров с постпозицией) [Widnäs 1952: 49]. Приводимые ею примеры употребления этого сочетания в текстах XIV в. демонстрируют сходное распределение: в именительном падеже только постпозиция (16 примеров), в сочетаниях с предлогом только препозиция (5 примеров; при этом М. Виднес не выделяла параметр наличия предлога),

в приименном родительном — колебания (1 пример постпозиции и 1 пример препозиции) [Widnäs 1952: 43–44]. О. А. Лаптева, знакомая с работой Виднес, писала, что «прилагательные в форме именительного падежа <...> обычно были постпозитивными», приводя статистические данные по небольшой выборке из «древнейших памятников» [Лаптева 1959: 110]<sup>4</sup>.

Дин Ворт в статье 1982 г. [Ворт 1982/2006] на материале сочетаний с прилагательным *новгородский* в новгородских пергаменных грамотах<sup>5</sup> обнаружил, что позиция прилагательного при неодушевленном существительным зависит, в частности, от наличия предлога: в предложных конструкциях прилагательное почти всегда (96%) выступает в препозиции, а в беспредложных конструкциях чаще (67,4%) в постпозиции. При одушевленных существительных прилагательное в материале Ворты в большинстве случаев (82,7%) стоит в постпозиции (вне зависимости от наличия или отсутствия предлога).

В системах, в которых положение атрибута зависит как от падежа, так и от наличия предлога, должна наблюдаться следующая шкала:

обычно постпозиция в именных группах в именительном падеже  
> колебания в других беспредложных группах > обычно препозиция в предложных группах

В частности, такая система зафиксирована в материале Д. Ворты (в процентах указана доля примеров с постпозицией прилагательного):

94% в им. п. > 71% в косвенных падежах без предлога > 24% в предложных конструкциях

Использование титула *князь великий* в основном ограничено хронологическими рамками XIII–XV вв. В летописных записях, от-

<sup>4</sup> Несколько особняком стоят замечания В. И. Борковского. Связывая постпозицию атрибутов с их предикативностью или «подчеркиванием», он писал, что «в косвенных падежах оно [подчеркивание] было (благодаря тому, что постпозицию в косвенных падежах нельзя было сопоставить со случаями употребления прилагательного в предикате) менее заметным, чем в им. п.» [Борковский 1949: 234]. Из этого может следовать, что Борковский наблюдал обсуждаемую корреляцию, а может следовать лишь то, что эта корреляция хорошо укладывается в его концепцию.

Можно также упомянуть данные, приведенные в работе Р. А. Евстифеевой: для некоторого множества именных групп («сочетания, не образующие групп») в Новгородской первой летописи в препозиции наблюдается практически одинаковое количество примеров в «прямых» и «косвенных» падежах, а среди групп с постпозицией большинство (82%) — в прямых падежах. Под прямыми падежами подразумеваются, по всей видимости, именительный и винительный [Евстифеева 2008: 180].

<sup>5</sup> Ворт изучил часть грамот, изданных в [ГВНП].

носящихся к домонгольскому времени, это сочетание используется достаточно редко — оно еще не было формальным титулом; кроме того, в некоторых случаях эпитет мог быть добавлен позднейшим переписчиком, см. обзор источников и литературы в [Филюшкин 2006: 31–38]. Рассматриваемый титул содержит интитуляция трех жалованных грамот начала — середины XII в. (*се азъ князь великий Всеволодъ* [ГВНП, №№79, 80], *се азъ князь великий Изяславъ Мъстиславичъ* [ГВНП, №82]), однако, по словам В. А. Янина, «поскольку рассматриваемые здесь акты сохранились лишь в виде позднейших списков, вполне допустимо предположение о некоторой модернизации в них титулатуры переписчиками» [Янин 1970/2004: 155]<sup>6</sup> (отметим, что подлинная жалованная грамота того времени — хорошо исследованная грамота Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю [ГВНП, №81; Гиппиус 2008] — не содержит даже титула *князь*). В Московской Руси в XVI–XVII вв. *великий князь* перестает быть единственным титулом московского правителя (в результате распространения титулов *царь* и *государь*); в частности, достаточно обычным становится сочетание *царь и великий князь*. В Великом княжестве Литовском титул *князь великий* (в обоих порядках, в Виленской летописи еще с окончанием *-и*) фиксируется в летописях, тогда как в актах он в таком виде почти неизвестен — ранние княжеские грамоты написаны на латыни, на рубеже XV–XVI вв. употребляется развернутый титул *великий князь литовский, русский...*, а позднее княжеский титул употребляется в сочетании с королевским (*король полски велики князь литовский, русский...*). В обоих государствах в составе распространенных титулов фиксируется препозиция атрибута. При этом в языке Московской Руси исчезновение постпозиции в этом сочетании<sup>7</sup> согласуется с отмиранием постпозитивного использования всех атрибутов.

В статье [Минлос 2008] были приведены данные для сочетания *князь великий / великий князь* в погодных записях XIV–XVI вв. Строевского списка Псковской летописи<sup>8</sup>. Записи XIII в. были исключены, так как в рассматриваемом сочетании в них преобладает препозиция, в том числе и в именительном падеже. Кроме того, из подсчетов исключен титул *царь и великий князь*, фиксирующийся в записях 1550–60 гг. исключительно с таким порядком. В процентах указана доля примеров с постпозицией прилагательного:

6 В [Янин 1991: 137–138] модернизация титулатуры эксплицитно предполагается только для грамоты № 79.

7 В частности, по данным В. И. Борковского, в великорусских документах в XVI в. порядок *великий князь* фиксируется в 80% употреблений, а в документах XVII в. — в 100% употреблений [Борковский 1949: 231].

8 Строевский список датируется второй половиной XVI века. Основная часть памятника — погодные записи, относящиеся к XV в. В языке этого списка отражены особенности псковского диалекта.

94% в им. п. > 38% в косвенных падежах без предлога > 21% в предложных конструкциях

На концах шкалы (в именительном падеже и в предложных конструкциях) видим почти те же процентные значения, что и в материале Д. Ворта, а в косвенных беспредложных падежах есть различие: в нашем материале преобладает препозиция, а в материале Ворта — постпозиция.

Как видно из табл. 1, ничтожное количество примеров в винительном и творительном падежах ограничивает возможность уточнить различия в положении атрибута в косвенных падежах. Можно только отметить, что доля постпозиции в родительном падеже (исключительно приименном) меньше, чем доля постпозиции в дательном.

Таблица 1. *князь великий / великий князь* в Строевской летописи<sup>9</sup>

	AN	NA
Nom, –prep	10	176
Acc, –prep	4	3
Gen, –prep	83	47
Dat, –prep	26	17
Instr, –prep	1	0
+prep	94	27

На материале сочетания *князь великий / великий князь* в т. н. «старобелорусской» Виленской летописи (цитируется по [ПСРА XVII])<sup>10</sup> слабее, чем в рассмотренных системах, выражена корреляция постпозиции атрибута и именительного падежа (как и выше, в процентах указана доля примеров с постпозицией прилагательного)<sup>11</sup>:

74% в им. п. (50 примеров) > 41% в косвенных падежах без предлога (12 примеров) > 24% в предложных конструкциях (4 примера)

9 Используются следующие условные обозначения: AN (сокращение от Attribute Noun) — препозиция атрибута, NA — постпозиция, –prep (сокращение от –preposition) — именная группа без предлога, +prep — предложная группа.

10 Этот текст, занимающий лл. 437–450 Летописи Авраамки (кон. XV — нач. XVI вв.), описывает небольшой фрагмент истории Великого княжества Литовского (1341–1395 гг.) и является одним из старейших списков летописной истории Литвы.

11 Чтобы сделать материал максимально однородным, мы использовали только однотипные именные группы, содержащие сочетания титула (*князь великий / великий князь*) с именем (например, *князь великий Витовт*). Иные конструкции, в том числе и примеры сочинения именных групп, не рассматриваются (например, *сам великий князь Витовт* или *король и князь великий Скиргаилло*).

В языке Виленской летописи основным параметром, определяющим линейное положение атрибута в беспредложной именной группе *князь великий* / *великий князь*, является, по видимому, не падеж, а линейное расположение именной группы относительно глагола. Именные группы, стоящие перед глаголом, обычно (в 88% случаев) демонстрируют порядок *князь великий*: зафиксировано 50 примеров постпозиции атрибута и 7 примеров препозиции. Именные группы, стоящие непосредственно после глагола, обычно (в 76% случаев) демонстрируют порядок *великий князь*: на 22 примера препозиции приходится 7 примеров постпозиции. Неконтактное положение справа от глагола само по себе, видимо, не является позицией, определяющей порядок в именной группе: на 6 примеров препозиции атрибута приходится 5 примеров постпозиции.

Таким образом, постпозитивный атрибут особенно регулярно выступает в беспредложных именных группах, стоящих перед глаголом (*князь великий Ягаило дал был Полтеск брату своему князю Скиргайлу*), препозитивный атрибут отмечается в основном в именных группах, стоящих непосредственно после глагола (например, *и нача великий князь Витовт добывати града*). Это распределение технически можно сформулировать следующим образом: атрибут стоит слева от имени, если глагол стоит непосредственно слева от именной группы, и справа от имени, если глагол стоит справа.

Предложных групп отмечено сравнительно немного. Во всех контекстах преобладает препозиция атрибута. Перед глаголом зафиксированы только 3 предложные группы, все они демонстрируют препозицию атрибута (хотя именно это положение в наибольшей степени благоприятствует постпозиции в беспредложных группах). Непосредственно после глагола: 5 примеров препозиции, 2 примера постпозиции; правее глагола (неконтактно): 7 примеров препозиции, 2 примера постпозиции. Таким образом, нельзя исключать, что предложная группа является самодостаточным контекстом, благоприятствующим выбору препозитивного атрибута независимо от положения во фразе (то есть даже если предложная группа стоит в препозиции к глаголу, все равно в ней будет порядок AN); впрочем, примеров слишком мало.

Для рассмотренного материала беспредложных групп выше предложено две закономерности. Описание, связывающее положение прилагательного с падежом, объясняет 69% случаев. Описание, связывающее положение прилагательного с положением именной группы относительно глагола, объясняет 80–90% случаев (90% примеров можно считать регулярными в том случае, если исключить из рассмотрения именные группы, стоящие справа от глагола, но не непосредственно после него). С синхронной точки зрения до-

статочно одного, более покрывающего объяснения (атрибут стоит в постпозиции, когда именная группа стоит перед глаголом). Тот факт, что атрибут часто стоит в постпозиции при существительном в именительном падеже, не означает, что в рассмотренной системе падеж влияет на положение атрибута: это скорее следствие того, что группы в именительном падеже (т. е. субъекты) особенно регулярно стоят перед глаголом. В самом деле, в рассмотренном материале 74% групп в именительном падеже стоят перед глаголом, а 76% беспредложных групп в косвенных падежах — после глагола.

Великорусские тексты, в которых была зафиксирована зависимость положения атрибута от падежа, не показывают зависимости положения атрибута от места именной группы в предложении.

В Строевском списке большинство беспредложных групп содержит постпозицию атрибута (в этом отношении суммарные данные оказываются в большей зависимости от данных именительного падежа, так как номинативные группы составляют 79% всех беспредложных групп). Перед глаголом доля групп с постпозицией атрибута выше (91%, 148 примеров), чем в положении после глагола (66%, 48 примеров), причем и это различие обеспечивается исключительно данными именительного падежа.

Настоящая работа позволяет сделать следующие предварительные выводы о наборе параметров, релевантных для положения атрибута. В предложных группах одиночный атрибут обычно находится в препозиции, т. е. между предлогом и существительным. Для беспредложных групп существует две корреляции: 1) атрибут регулярно находится в постпозиции в именных группах в номинативе, 2) атрибут регулярно находится в постпозиции, когда именная группа стоит перед глаголом. Эти два правила дают одинаковые результаты для номинативных групп, которые стоят перед глаголом (например, *князь великий Ягаило дал был...*), а таковых среди беспредложных именных групп большинство. Второе правило, насколько известно, ранее не предлагалось<sup>12</sup>.

Обнаруженная нами (прежде всего на материале Виленской летописи) закономерность имеет аналогию в современном русском языке. Постпозиция атрибутов (обычно местоименных) в современном языке нормальна только в именных группах, стоящих в начале предложения, в предглагольной тематической позиции, как в (1)<sup>13</sup>.

(1) *И мысль эта меня не покидает.*

- 12 Ворт высказывал предположение о том, что линейное положение атрибута «во многих случаях обусловлено» положением именной группы относительно глагола, но не рассматривал этот параметр системно, а анализ небольшого и достаточного случайного материала одного словосочетания привел его к закономерности, противоположной нашей.
- 13 При обследовании современных русских текстов использовался Национальный корпус русского языка ([www.russcorpora.ru](http://www.russcorpora.ru)).

Постпозицию таких безударных атрибутов можно было бы связывать с понятием «ваккернагелевской темы» (безударная тематическая позиция после первого полнозначного слова в предложении, см. [Янко 2001: 79])<sup>14</sup>.

Возможно, достаточно неясная сама по себе связь постпозиции атрибута с именительным падежом развилась вторично как закрепление самого частотного порядка: группы в именительном падеже чаще всего стояли перед глаголами, соответственно, содержали постпозицию атрибута, а в ходе эволюции системы эта постпозиция была перенесена на любое использование именительного падежа. Такой процесс естественнее всего предположить для отдельных частотных сочетаний (как рассматриваемое *князь великий*). Преппозиция атрибута в косвенных падежах могла также отчасти поддерживаться преппозицией в предложных сочетаниях.

Нельзя полностью исключать, что преппозиция атрибута в предложных сочетаниях отчасти определялась тем, что предложные группы обычно находятся после глагола. Однако, учитывая большую устойчивость преппозиции при предлоге, кажется более продуктивным направление интерпретации, предложенное Д. Вормом: предлог с непосредственно следующим за ним атрибутом (напр., *от великого князя*) образует тесное единство, а атрибут, оторванный от предлога (*от князя великого*), является грамматически ущербным (эту ущербность и восполняет повтор предлога: *от князя от великого*). Может быть, притяжение атрибута к глаголу и притяжение к предлогу являются (на определенном уровне грамматической абстракции) реализацией одной и той же закономерности.

## ЛИТЕРАТУРА

- Борковский 1949: *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.
- Ворт 1982/2006: *Ворт Д.* Повторение предлога в древнерусском // *Ворт Д.* Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 269–285.
- ГВНП: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Евстифеева 2008: *Евстифеева Р. А.* Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской первой летописи // *Русский язык в научном освещении.* №2 (16), 2008. С. 162–203.

14 Отметим, что для тематической позиции отмечается и совершенно иной класс случаев с постпозицией атрибута, в которых атрибут выделен, ср. примеры из [Шахматов 1941: 202]:

(2) *Человек сердитый пугает иногда своим видом.*

(3) *Люди голодные не могут быть обвинены в подобном нарушении.*

Тем не менее, для других позиций в коммуникативной структуре предложения постпозиция атрибутов нехарактерна.

- Коробчинская 1955: *Коробчинская Л. А.* Функции порядка слов в древнерусском языке // *Вопросы языкознания.* Кн. 1. Львов, 1955. С. 73–85.
- Минлос 2008: *Минлос Ф. Р.* Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // *Русский язык в научном освещении.* №15 (2008).
- Обнорский 1946: *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка. М.; Л., 1946.
- ПСРА XVII: Полное собрание русских летописей. Т. XVII. Западнорусские летописи. М., «Языки славянских культур», 2008.
- Шахматов 1941: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 1941.
- Филюшкин 2006: *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.
- Янин 1970/2004: *Янин В. Л.* Из истории землевладения в Новгороде XII в. // *Средневековый Новгород: очерки археологии и истории.* М., 2004 (Первая публикация — в сб.: *Культура Древней Руси.* М., 1970).
- Янко 2001: *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Widnäs 1952: *Widnäs M.* La position l'adjectif épithète en vieux russe. Helsingfors, 1952.